УДК 343.14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРАКТИКЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДОКАЗЫВАНИЯ: ТРЕБУЮТСЯ НАДЛЕЖАЩИЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Сергей Борисович Россинский
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. В статье обосновывается высокий информационный потенциал результатов административной деятельности и обращается внимание на отсутствие нормативной основы для их использования как полноценных средств уголовно-процессуального доказывания. Одновременно выявляются практические технологии, позволяющие сотрудникам органов предварительного расследования преодолевать существующие пробелы нормативного регулирования в первую очередь известный прикладной алгоритм, состоящий в позиционировании результатов административной деятельности под видом результатов оперативно-розыскной деятельности. Исходя из критической оценки всех подобных технологий, в статье формулируется вывод о необходимости внедрения в доктрину, законодательство и правоприменительную практику подходов, основанных на понимании результатов административной деятельности как автономных средств уголовно-процессуального доказывания.

Ключевые слова: административная деятельность, доказательство, доказывание, результаты административной деятельности, результаты оперативно-розыскной деятельности, собирание доказательств, средства уголовно-процессуального доказывания

Для цитирования: Россинский С.Б. Использование результатов административной деятельности в практике следственного доказывания: требуются надлежащие доктринальные и законодательные подходы // Правда и закон. 2024. № 2(28). С. 55–62.

USING THE RESULTS ADMINISTRATIVE ACTIVITIES IN THE PRACTICE OF INVESTIGATIVE EVIDENCE: PROPER DOCTRINAL SUMMARY IS REQUIRED AND LEGISLATIVE APPROACHES

Sergey B. Rossinskiy
Institute of state and law of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia, s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The article substantiates the high information potential of the results of administrative activities and draws attention to the lack of a regulatory framework for their use as full-fledged means of criminal procedural evidence. At the same time, practical technologies have been identified that allow employees of preliminary investigation bodies to overcome existing gaps in regulatory regulation, primarily the well-known applied algorithm, which consists of positioning the results of administrative activities under the guise of the results of operational investigative activities. Based on a critical assessment of such technologies, the article formulates a conclusion about the need to introduce approaches into doctrine, legislation and law enforcement practice that are based on an understanding of the results of administrative activities as autonomous means of criminal procedural evidence.

Keywords: administrative activities, proof, proof, results of administrative activities, results of operational investigative activities, collecting evidence, means of criminal procedural evidence

For citation: Rossinskiy S.B. Using the results administrative activities in the practice of investigative evidence: proper doctrinal summary is required and legislative approaches // Truth and Law. 2024. № 2(28). P. 55–62.

© Россинский С.Б., 2024

Одна из достаточно актуальных проблем, возникающих в ходе досудебного производства по уголовному делу, связана с возможностью и условиями включения в общую массу собираемых следователями средств доказывания отдельных фрагментов непроцессуальной информации – неких полезных для нужд уголовно-процессуального доказывания сведений, изначально получаемых лицами, не являющимися участниками уголовно-процессуальной деятельности, и вне рамок, предусмотренных уголовно-процессуальным законом правоотношений. И хотя в подавляющем большинстве посвященных данным вопросам публикаций признается непреложная, иногда ключевая, роль подобных информационных ресурсов[1], им никогда не уделялось должного научного внимания. А если быть точнее, то взоры исследователей традиционно останавливались и продолжат останавливаться лишь на одной группе вопросов, связанных с использованием в доказывании непроцессуальной информации, – содержание соответствующих изысканий[2], как правило, ограничивалось и продолжает ограничиваться результатами оперативно-розыскной деятельности (ОРД), т.е. сведениями и материалами, получаемыми оперативными подразделениями правоохранительных органов полицейского типа в порядке, установленном Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[3] (далее – Закон об ОРД). Хотя некоторые ученые все же иногда немного раздвигали эти рамки – рассматривали доказательственный потенциал результатов как бы парправоохранительной деятельности, в первую очередь материалов и сведений, собранных детективными агентствами, частными охранными организация и т.п.[4]

Вместе с тем все подобные материалы и сведения – далеко не единственные информационное активы, подлежащие первичному накоплению вне обусловленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации правоотношений. Продуктивное решение возникающих перед органами предварительного следствия практических задач неразрывно сопряжено с потребностью грамотного распоряжения результатами так называемой административной деятельности, т.е. деятельности, осуществляемой органами исполнительной власти, иными государственными органами либо их должностными лицами, реализующими всевозможные управленческие функции в сфере публичного администрирования.

Однако, несмотря на свою востребованность, подобные средства доказывания никогда не становились предметом серьезных изысканий – об их существовании вообще упоминается всего лишь в нескольких публикациях и то достаточно фрагментарно[5]. В этой связи в настоящее время ощущается объективная необходимость в более детальном рассмотрении результатов административной деятельности как средств уголовного-процессуального доказывания, условий, пределов и порядка их использования в следственной практике.

Вообще под административной деятельностью надлежит понимать совокупность предусмотренных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации или подзаконными нормативными актами административно-

[1] См.: Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 28; Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород, 2001. С. 35.

[2] См.: Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 219–329; Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. СПб., 2006. С. 342–416; Семенцов В.А., Сафонов В.Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург, 2006. С. 86–116.

[3] Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 августа. № 160.

[4] См.: Бедняков Д.И. Указ. соч. С. 143–153; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 164–165; Кузнецов Н.П., Дадонов С.Н. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 32.

[5] См., например: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 47.

правовой направленности управленческих приемов и процедур, отнесенных к компетенции органов исполнительной власти, прочих государственных и муниципальных органов, а также работающих в них чиновников, посредством которых решаются самые разнообразные задачи и реализуются различные функции в сфере публичного администрирования. Причем многие из таких приемов и процедур предполагают достаточно тесную связь с выявлением и раскрытием преступлений, с обнаружением и изъятием различных предметов, имеющих значение для уголовного дела, в том числе следов преступления (потенциальных вещественных доказательств), с получением разнообразных документов, с фактическими задержаниями потенциальных подозреваемых и решением прочих задач, обеспечивающих продуктивность доказывания по уголовному делу.

В подтверждение сказанного разумно привести некоторые примеры из правоприменительной практики. Так, находясь на 40-м км федеральной автомагистрали М-9 «Балтия», сотрудники 11-го батальона 1-го полка ДПС ГИБДД ГУ МВД России по Московской области остановили вызвавший подозрение автомобиль Lada Priora, зарегистрированный в одном из субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ. В ходе досмотровых мероприятий, проведенных на основании п. 16 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[6] (далее – Закон о полиции), в «бардачке» автомашины был обнаружен и изъят пластмассовый контейнер с находившимся в нем сыпучим веществом белого цвета. В последствии удалось диагностировать, что вещество является наркотическим средством – героином (диацетилморфином), а его масса достаточна для привлечения задержанного лица к уголовной ответственности. Другой пример – это проведенный сотрудниками таможни в международном аэропорту Санкт-Петербурга «Пулково» на основании ст. 117 Таможенного кодекса Таможенного союза[7] (принятого Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 17) досмотр багажа одного из пассажиров, прибывших из Турецкой республики. В ходе обследования его чемодана были обнаружены 15 упаковок запрещенного к свободному обороту в России сильнодействующего вещества «Диазепам». Современная правоприменительная практика изобилует и множеством других схожих примеров.

Более того, в части расследования некоторых видов преступлений добываемые полицией либо другими органами исполнительной власти информационные активы приобретают важнейшее значение, становятся ключевыми средствами доказывания, позволяющими изобличить подозреваемых и обвиняемых в совершении инкриминируемых им деяний. При этом любые подобные правоохранительные приемы относятся исключительно к сфере административно-правового регулирования; они устанавливаются нормативными актами, регламентирующими компетенцию и порядок работы различных ведомств, их подразделений и должностных лиц в публично-управленческой сфере. А полученные посредством их осуществления информационные активы – ни что иное как типичные результаты административной деятельности, подлежащие продуктивному использованию в следственной практике и оказывающие неоценимую пользу в решении задач уголовно-процессуального доказывания.

Несмотря на столь важную роль результатов административной деятельности для нужд уголовной юстиции, невзирая на их постоянное и повсеместное использование в качестве средств доказывания, законодатель занял по данному вопросу абсолютно пассивную позицию. Ни нормы, входящие в гл. 10–11 УПК РФ[8],

[6] О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февраля. № 25.

[7] Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 17) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. Ст. 6615.

[8] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.

ни другие статьи кодекса не содержат ни единого намека на подобное дозволение, тем более на четко установленное предписание, что ввиду приоритетности использования императивного метода уголовно-процессуального регулирования надлежит истолковывать как фактический запрет на признание таких сведений полноценными средствами доказывания (допустимыми доказательствами).

Конечно, на первый взгляд, можно предположить, что неким исключением из подобного запрета являются результаты упоминаемых в ч. 1 ст. 144 и ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ непроцессуальных действий неопределенной правовой природы: получения объяснений, истребования предметов, документов, инициирования ревизий и т.д. Ведь, исходя из смысла закона, эти ресурсы вполне допустимы к использованию в ходе проверок сообщений о преступлениях и сокращенных дознаний. Вместе с тем при более детальном осмыслении данное предположение тоже представляется не вполне состоятельным – ввиду отсутствия ярко выраженного административно-правового характера требуемых для их накопления познавательно-удостоверительных и прочих приемов. Если бы такие приемы прямо предусматривались положениями административного права, например все того же Закона о полиции, а в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) содержались только бланкетные нормы, то их природа не вызывала бы никаких сомнений. Но в реальности «коллективный законодатель» избрал для решения возникающих проблем совершенно иной правотворческий подход, состоящий в достаточно неудачных попытках, введения указанных приемов прямо в предмет уголовно-процессуального регулирования без каких-либо бланкетных корреляций с административно-правовым законодательством. И разработчики проекта УПК РФ, и авторы ряда инкрементально вносимых в него дополнений почему-то всегда старались ограничиваться лишь упоминанием о подобных способах проведения проверок сообщений о преступлениях и сокращенных дознаний, не предусматривая ни собственных (уголовно-процессуальных) правил их производства, ни каких-либо бланкетных связей с положениями, входящими в сферу административного, в частности «полицейского», права, что всегда порождало и продолжает порождать изрядную неопределенность, приводящую к известным затруднениям в правоприменительной практике.

Скорее всего, вытекающая из смысла закона неприемлемость использования результатов административной деятельности в качестве самостоятельных средств доказывания была обусловлена известной догмой об ущербности непроцессуальных сведений по сравнению с традиционными видами доказательств (показаниями, заключениями экспертов, следственными протоколами и т.д.) – ввиду их необремененности должными гарантиями юридической доброкачественности. Правда нельзя исключить и другое объяснение: ненадлежащую доктринальную проработанность данной проблематики, банальное непонимание либо недопонимание некоторыми допущенными к уголовно-процессуальному законотворчеству «специалистами» подлинной правовой природы таких информационных активов, а в первую очередь их отличий от результатов ОРД. По крайней мере, в противном случае выраженное в ст. 89 УПК РФ явное недоверие к непроцессуальной информации одним лишь негативным отношением к результатам ОРД не ограничилось – по всей вероятности, авторы проекта кодекса не забыли бы ввести аналогичные требования и в отношении результатов административной деятельности.

Хотя в целом причины, повлиявшие на невключение результатов административной деятельности в систему средств уголовно-процессуального доказывания, не так уж и важны. Гораздо важнее другое – сам факт формальной невозможности их использования для нужд доказывания. Законодатель просто уклонился от разрешения подобной, к слову, имеющей весьма существенное значение для следственной практики проблемы, как бы не заметил потребности в процессуальной легализации результатов административной деятельности, не уделил им никакого внимания, разве что за исключением играющих особую правовую роль и поэтому находящихся как бы в стороне от основного вектора доказывания

механизмов административной преюдиции, подлежащих применению по отдельным категориям уголовных судопроизводств.

Исходя из буквального толкования закона, средствами уголовно-процессуального доказывания были и остаются лишь информационные активы, предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а способами их собирания – только регламентированные ст. 86 УПК РФ следственные, другие процессуальные действия и конкретные формы реализации соответствующих прав обвиняемого, защитника, прочих невластных участников уголовного судопроизводства. Иными словами, делая ставку на декларируемую в ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации формальную доброкачественность (допустимость) доказательств как обязательное условие их использования в любой форме судопроизводства, законодатель предъявляет к ним достаточно жесткие требования, выполнение которых в части работы с результатами административной деятельности невозможно. Каких-либо правовых инструментов, позволяющих ввести такие результаты в общую массу доказательственного материала, приобщить их к уголовному делу в качестве готовых информационных продуктов просто не существует.

В этой связи нет ничего странного в том, что подобные задачи решаются при помощи различных ухищрений, всевозможных «обходных путей» и прочих изобретений правоприменительной практики, с одной стороны, способствующих преодолению возникающих трудностей, а с другой – создающих видимость формального соблюдения установленных уголовно-процессуальным законом требований. Причем наиболее распространенным вполне ожидаемо стал прикладной алгоритм, сводящийся к использованию результатов административной деятельности под «маской» результатов ОРД, т.е. к работе с одними информационными активами под видом других. Многие следователи уже воспринимают как непреложную данность, как само собой разумеющуюся истину, совершенно ошибочный постулат, что предусмотренные нормами административного права всевозможные досмотры (осмотры), обследования, изъятия, экспертизы, прочие связанные с накоплением полезных сведений приемы и процедуры, проводимые полицией, налоговыми или таможенными органами, подразделениями ФАС России или другими субъектами исполнительно-распорядительной деятельности – это оперативно-розыскные мероприятия, а их результаты – полезные ресурсы, подпадающие под смысл ст. 89 УПК РФ. Правда при этом почему-то забывается, что Законом об ОРД подобные приемы и процедуры, равно как многие из осуществляющих их субъектов, просто не предусмотрены, но кто же станет обращать внимание на такую «мелочь»?!

А причины подобных и, мягко говоря, не совсем правильных прикладных подходов весьма очевидны. Так, с точки уголовно-процессуального доказывания и результаты ОРД, и результаты административной деятельности – это достаточно близкие, имеющие весьма схожую правовую природу познавательные активы – ни те, ни другие не являются порождением процессуальной формы, не возникают в ходе предусмотренных УПК РФ когнитивно-удостоверительных механизмов работы органов предварительного расследования. Все эти сведения и материалы возникают вне уголовно-процессуальных отношений и лишь затем, после представления либо истребования (образно говоря, после попадания «на стол» к следователю), вводятся в досудебное либо судебное производство, т.е. формально приобщаются к уголовному делу в качестве готовых информационных продуктов, либо не вводятся, не приобщаются – в случаях осознания их юридической недоброкачественности или бесполезности для нужд уголовного судопроизводства.

Иными словами, схожесть результатов ОРД, и результатов административной деятельности для следователей обуславливается присущей любым подобным познавательным активам некой чужеродностью для уголовного процесса, обуславливающей определенные сомнения в их надежности, известную степень недоверия к их содержанию. Тем более, что зачастую они формируются и представляются для приобщения к уголовным делам сотрудниками одних и тех же правоохранительных ведомств: органов внутренних дел (полиции), таможенных

органов, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и т.п. – кто там на практике будет разбираться в тонкостях правовой природы поступающих материалов?!

Кроме того, использование результатов оперативно-розыскных мероприятий, как уже отмечалось выше, все же предполагает какую-никакую нормативную основу, сводящуюся к ст. 89 УПК РФ и вроде бы как взаимосвязанным с ней положениям Закона об ОРД в купе с подзаконной Инструкцией о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд[9]. Конечно, эти положения как не выдерживающие никакой критики, содержащие целый ряд противоречий, порождающие множество доктринальных и прикладных проблем, являются весьма малопригодными для практического применения и использования в следственной практике, на что уже неоднократно обращалось внимание в научных публикациях[10]. Но тем не менее указанные нормы все же имеются (!). Субъекты доказывания все-таки могут чем-то и как-то руководствоваться, а точнее создавать видимость такого руководствования «на бумаге», прямо ссылаясь на данные положения в своих правоприменительных актах, хотя и с изрядной долей процессуального лукавства и даже самообмана.

Тогда как для использования в доказывании результатов административной деятельности никакой нормативной основы просто не существует; такие положения не предусмотрены ни УПК РФ, ни какими-либо другими нормативными актами, регламентирующими деятельность тех или иных органов исполнительной власти. Любая подобная потребность приводит следователя к осознанию правового вакуума, к пониманию отсутствия в имеющемся арсенале необходимого правового инструмента. А выход, как правило, усматривается в возможности применения права по аналогии – призвания на помощь наиболее близкого по смыслу положения, коим и является все та же ст. 89 УПК РФ. По крайней мере, никакого более походящего способа для практического преодоления указанных трудностей в настоящее время действительно нет.

Правда, с последним тезисом можно и поспорить, вспомнив про «всеобъемлющий» потенциал предусмотренных ст. 84 УПК РФ иных документов. На первый взгляд, содержание указанной статьи вроде бы настолько универсально, что ее положения вполне пригодны для использования в отношении любых предполагающих документальную фиксацию информационных активов, в том числе и результатов административной деятельности. Во всяком случае так нередко поступают практические работники, в частности следователи.

Вместе с тем подобные доводы, равно как и предопределенные ими практические технологии, представляются совершенно неприемлемыми – ровно по той же причине, по которой ошибочными видятся научные воззрения[11], детерминированные ими прикладные алгоритмы и даже позиции Конституционного Суда Российской Федерации[12], предполагающие разумность использования аналогичных подходов к результатам ОРД. Ведь ст. 84 УПК РФ вовсе не настолько универсальна, каковой она может показаться на первый взгляд. Исходя из ее смысла, иными документами надлежит признавать лишь такие «свободные» объекты документального характера, которые содержат официальные либо неофициальные сообщения предприятий, учреждений, организаций, граждан и пр. Тогда как

[9] Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 от 27 сентября 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 декабря. № 282.

[10] См.: Поляков М.П. Указ. соч. С. 182; Зажицкий В.И. Указ. соч. С. 363.

[11] См.: Семенцов В.А., Сафонов В.Ю. Указ. соч. С. 99; Шейфер С.А. Указ. соч. С. 114–115.

[12] См.: например: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 1293-О, от 24 сентября 2013 г. № 1505-О.

результаты административной деятельности, равно как и результаты ОРД, формируются в ходе реализации сотрудниками правоохранительных органов своих государственно-властных полномочий, т.е. путем осуществления хотя и непроцессуальных, но все же предполагающих некую правовую форму и обремененных рядом юридических гарантий когнитивно-удостоверительных приемов.

На основании всего вышеизложенного можно заключить, что в современных реалиях существования и развития уголовной юстиции имеется объективная потребность в формировании совокупности доктринальных положений о результатах административной деятельности как об автономных средствах уголовно-процессуального доказывания. В частности, необходимо распознать сущность результатов административной деятельности, четко определить перечень предрасположенных к их получению органов и должностных лиц, а также обуславливающие их возникновение направления деятельности (функции) и полномочия этих органов и должностных лиц. Кроме того, надлежит выявить четкие и понятные для следователей критерии для разграничения результатов административной деятельности с другими, схожими с ними по различным признакам и свойствам средствами уголовного процессуального доказывания: результатами ОРД, иными документами, вещественными доказательствами, материалами доследственных проверок сообщений о преступлениях и т.д. И наконец, самое важное! Требуется разработать и предложить для законодательной легализации в целях дальнейшего использования в следственной практике процессуальный механизм приобщения результатов административной деятельности к уголовному делу, их проверки и оценки, с одной стороны, соответствующий общим методологическим подходам к доказыванию в целом и правилам работы с отдельными доказательствами в частности, а с другой – учитывающий изначально непроцессуальный характер данных познавательных активов, их возникновение за рамками уголовно-процессуальных правоотношений.

На решение этих задач автор и планирует направить свои дальнейшие научные усилия.

Список источников

1. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юридическая литература, 1991. 208 с.

2. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2009. 373 с.

3. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 441 с.

4. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995. 272 с.

5. Кузнецов Н.П., Дадонов С.Н. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 32–33.

6. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.

7. Семенцов В.А., Сафонов В.Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006. 136 с.

8. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 238 с.

References

1. Bednjakov D.I. Neprocessual'naja informacija i rassledovanie prestuplenij. M.: Juridicheskaja literatura, 1991. 208 s.

2. Dolja E.A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti. M.: Prospekt, 2009. 373 s.

3. Zazhickij V.I. Rezul'taty operativno-rozysknoj dejatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve: teorija i praktika. SPb.: Juridicheskij centr Press, 2006. 441 s.

4. Kokorev L.D., Kuznecov N.P. Ugolovnyj process: dokazatel'stva i dokazyvanie. Voronezh: Voronezhskij gosuniversitet, 1995. 272 s.

5. Kuznecov N.P., Dadonov S.N. Pravo zashhitnika sobirat' dokazatel'stva: sushhnost' i predely // Rossijskaja justicija. 2002. № 8. S. 32–33.

6. Poljakov M.P. Ugolovno-processual'naja interpretacija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti. N. Novgorod: Nizhegorodskaja pravovaja akademija, 2001. 262 s.

7. Semencov V.A., Safonov V.Ju. Pravovye predposylki i jetapy realizacii rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v dosudebnom proizvodstve. Ekaterinburg: Ural'skaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija, 2006. 136 s.

8. Shejfer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovanija. M.: Norma, 2008. 238 s.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.
The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Информация об авторе
С.Б. Россинский – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Россия, 119019, Москва, ул. Знаменка, 10).

Information about the author
S.B. Rossinskiy – Doctor of Law, professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology at Institute of state and law of the Russian academy of sciences (Russia, 119019, Moscow, Znamenka str., 10).